

УДК 101.1+008:911.375<<20>>

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.142

Показано, что современное социокультурное пространство города испытывает принципиальные изменения, связанные с миграционными процессами. Отмечается, что современный город как пространство межкультурного диалога играет двойную роль: помогает индивиду осваивать новые формы жизни, характерные для городской идентичности, и, наоборот, усиливает/подавляет его индивидуальность. Сделан вывод о том, как важен межкультурный диалог для сбалансированного существования города в целом, а также для всех сообществ и каждого субъекта в частности. Межкультурный диалог в пространстве города осуществляется в противоречивом диапазоне: от вражды и отчужденности – через адаптацию и компромисс – к осознанию значимости «другого».

Ключевые слова: *социокультурное пространство, город, сообщество, индивид, миграция, межкультурный диалог, идентичность.*

Город с его специфическими условиями социокультурной среды давно привлекает внимание исследователей самых разных направлений. Философы фокусируют внимание на человеке, рефлексирующем в интеллектуальном и образовательном пространстве города [5; 7; 10], психологи изучают субъекта труда в городских условиях [9] и субъекта миграции [2]. Но, разумеется, наибольшее число исследований города как социокультурного явления принадлежит социологам [1].

М. Вебер в числе первых обратил внимание на город как особую социальную общность, формирующуюся под воздействием рыночных и хозяйственных отношений. Из работы немецкого теоретика с аналогичным названием «Город», для реализации замысла данной статьи, взяты два суждения. Первое – изначально город формируется как закрытое, гомогенное сообщество, ориентированное только на внутренний рынок, но постепенно, с развитием торговых и военных отношений, картина меняется и город превращается в открытое гетерогенное пространство. Второе – плотность сосуществования горожан далеко не всегда способствует сокращению социальной и эмоциональной дистанции живущих рядом людей [4]. Последняя мысль наглядно развивается у Ф. Тённиса, когда он говорит о том, что на смену традиционным соседским отношениям приходит новый, урбанистический уклад жизни с его рациональным обменом и обезличенностью связей [11]. Схожим образом рассуж-

дает и Г. Зиммель, объясняя свойственную горожанам отчужденность целым рядом причин, главными из которых являются пресыщенность событиями, доминирование денежно-рациональных отношений и вынужденное сбережение психоэмоциональных ресурсов [8].

Исследования представителей известной Чикагской школы породили новое направление в социогуманитарном знании – городскую социологию. Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт, Х. Зорбо, Э. Стоунквист и другие теоретики первой половины XX в. сконцентрировали свое внимание на различных аспектах городского образа жизни, на положении социальных групп в городе и их взаимодействии в городском пространстве. Теоретические выкладки перечисленных авторов не теряют своей актуальности. Так, исследование Л. Вирта «Гетто», написанное еще в 1928 г., обретает сегодня новое звучание в связи с особенностью жизни современных мигрантов из восточных стран в западноевропейских городах [6].

Цель данной статьи – рассмотреть современный город как пространство межкультурного диалога.

Большинство современных городов – это место, в котором разворачиваются динамичные миграционные процессы. Города принимают в свое сообщество мигрантов, как внутренних, так и внешних, обладающих разными культурными представлениями. Мигранты как носители особых интеллектуальных форм, коллективных умонастроений, социальных практик сознательно или, чаще всего, неосознанно начинают идентифицировать себя друг с другом, а также с жителями принимающего их города. Субъект миграции, оказавшийся в новой для него среде жизни, встает на перепутье, пытаясь понять, каким нормам и ценностям необходимо следовать в данный конкретный момент.

Современный психолог Г. Триандис вводит понятие «культурный синдром» (отечественные исследователи предпочитают термин «менталитет». – О.В.), интерпретируя его в контексте измерения культурного разнообразия. Культурный синдром, в замыслах американского теоретика, представляет собой общий паттерн отношений, убеждений, категоризации, самоопределения, норм, ценностей и других субъективных элементов культуры. Этот паттерн организован вокруг некоторой темы, которая может быть идентифицирована людьми, говорящими на одном языке и живущими в одном историческом периоде и географическом регионе [12, p. 13]. В процессе миграции происходит соприкосновение нескольких культурных синдромов, каждый из которых представляет уникальную комбинацию элементов. Это и становится началом межкультурного диалога. Отсутствие взаимопонимания, обоюдные опасения, неприязнь друг к другу носителей различных культур, трудности адаптации – все это нередко вызывает социальную напряженность и конфликтность. При «встрече» культур происходит состояние, близкое, по своей сути, к когнитивному диссонансу: устойчивые представления, сформированные родной культурой, вступают в противоречие с нормативными и ценностными реалиями нового обще-

ства. Однако здесь следует обратить внимание и на неоспоримый факт – представители различных культур способны, каждый по-своему, преодолеть это состояние [5].

На начальном этапе мигранты как носители своего «культурного синдрома» попадают в ситуацию выбора. Одни идут по пути наименьшего сопротивления и обращаются за помощью к представителям своей группы, уже укорененным в правила жизни принимающего общества. Другие пытаются адаптироваться самостоятельно, интенсивно изучая новый для них язык, нормы, ценности и социальные практики принимающей культуры. Между двумя этими группами располагаются так называемые мигранты-маргиналы. Они оказываются в самом сложном положении, на линии пограничной локации, когда доминирующая группа *еще* не принимает, поскольку ими не освоены новые культурные образцы, а диаспора *уже* не принимает, поскольку они перестали следовать прежним образцам.

Учитывая современные темпы миграции и рост доли мигрантов, в том числе и вынужденных беженцев, можно отметить, что в современных городах межкультурный диалог, особенно на начальном этапе, осуществляется в зоне высокой концентрации маргинальности. И чем меньше город, тем длительнее протекает процесс такого взаимного «притирания». Причина этого, возможно, заключается в том, что крупные города при высокой плотности населения, обезличенности контактов, формализации взаимодействий и высокой степени анонимности демонстрируют более высокий уровень терпения к «инаковости». Тезис представителей делового сити можно выразить в общепринятой формуле: «Приехали – подключайтесь к работе».

Для сбалансированного функционирования современного города как никогда становится важным межкультурный диалог, формирующий, по сути, новое пространство – пространство компромисса. Отмечают актуальность этого постулата в своем социологическом исследовании межэтнических отношений в современных российских городах О. Вендина и Э. Паин. Они указывают на то, что на уровне города гораздо больше противоречий, и они воспринимаются как норма. Городское сообщество не предполагает поиска консенсуса, это пространство локальных взаимодействий, диалогов и компромиссов. Несмотря на значимость для каждого индивида такого свойства, как самоидентичность, в городской среде он невольно вынужден ощущать коллективную идентичность, т. е. определять себя через принадлежность к городу. И здесь возникает противоречие: с одной стороны, индивид нуждается в идентификации себя с группой, это значимо и важно для него; с другой стороны, он испытывает потребность в аутентичности, непохожести, стараясь всеми возможными способами (включая и нелегитимные) активировать свою индивидуальность [1, с. 173].

В результате происходит дифференциация самоопределений в рамках общей городской идентичности. Мигрант должен решать одно-

временно две полярные задачи: сохранить свою принадлежность к тому или иному сообществу и обрести ощущение причастности к городу посредством овладения общими ценностями. По этому поводу интересными наблюдениями делится современный французский психолог П. Буайе. Он говорит, что данные статистики не фиксируют роста числа мусульман во многих городах, однако опросы горожан свидетельствуют об обратном: по их ощущениям численность мусульман возрастает. Выявленные расхождения мнений получили довольно прозаичное объяснение. Мусульмане из «местных» стали чаще носить национальную одежду, подчеркивая свой религиозный и этнический статус. Поэтому горожанам стало казаться, что количество мусульман возросло. П. Буайе особо подчеркивает такую психологическую особенность индивида, как невольную концентрацию внимания на «инаковости». Именно она усиливает ощущение опасности, возникающей при достижении определенного численного показателя. Стремление одних использовать элементы, подчеркивающие их культурные отличия, автоматически приводит к усиленной фиксации «инаковости» [3, с. 73–74].

Прибывающее в город население является не только продуктом сформировавшей его «родной» социально-культурной среды, но и носителем исторической памяти. Историческая память «обеспечивает существование диахронного измерения опыта, разделяемого субъектами определённой культуры», – отмечают Б.Л. Губман и К.В. Ануфриева [7, с. 16]. Современное общество все чаще порождает запрос на воспроизводство исторической памяти отдельными личностями или социальными группами. В таком контексте современное городское пространство – перекресток множества культур. Привычный облик города деформируется под влиянием глобальных социальных процессов, усиленных ростом массовых миграций. Жизненная практика показывает, что такое закономерное явление связано с немалой долей конфронтации, особенно на начальной стадии адаптации мигранта к новой культуре или в ситуациях, периодически вспыхивающих на улицах знаковых событий.

Столкновения и массовые выступления в публичном пространстве современного города возникают в двух формах: первая – массовые погромы и конфликты с представителями власти или с другими мигрантами; вторая – публичные демонстрационные акции. Характерно, что первая форма протеста возникает из стремления подчеркнуть и выделить свою «инаковость», обратить внимание на себя как представителей «другой» культуры. Протесты второй формы сопряжены с желанием подчеркнуть общность, выразить свое единство по какому-либо значимому поводу, будь то ущемление прав отдельных групп или покушение на приоритетные ценности сообщества.

Высказанные наблюдения хорошо иллюстрируют недавние события во Франции. В июле 2020 г. произошло крупное столкновение с применением оружия между представителями чеченской и магрибской диас-

пор. Поводом послужило избиение в драке молодого чеченца. Позиции сторон были высказаны в весьма категоричной форме: чеченская сторона указывала, что тунисские мигранты распространяют наркотики и устраивают «беспредел», но местные власти не могут их приструнить, а значит, нужно вмешаться. Представители же магрибской диаспоры выдвигали прямо противоположные доводы и считали, что чеченцы хотят установить свои порядки и просто воспользовались поводом. Столкновение произошло на улицах Дижона, где полицейские не стали активно наводить порядок, придерживаясь тактики невмешательства. Это вызвало бурное негодование местных жителей, ожидавших от властей защиты и спокойствия.

Не удивительно, что при такой накаленной обстановке буквально через несколько месяцев во Франции произошли другие события, где одной из сторон снова выступила чеченская диаспора и радикально настроенные исламисты. Пусковым механизмом нового конфликта на этот раз стало убийство учителя Самюэля Пати 16 октября 2020 г. На своих занятиях в качестве примера проявления свободы слова учитель продемонстрировал карикатуры на пророка Мухаммеда. Событие вызвало сразу две волны протестов, последовавших друг за другом. Сначала волну гнева со стороны радикально настроенных мусульман, в ходе которой учитель поплатился своей жизнью, а вслед за ней волну протестов со стороны гражданского общества против экстремизма и террора радикальных групп. Дело дошло до официальных деклараций президента Франции об ужесточении контроля за исламским сообществом со стороны государства. По всей стране прошли митинги и шествия в поддержку погибшего учителя, сопровождаемые лозунгами о недопустимости повторения таких событий и требованиями уважения к праву, светскому образованию и учителям.

Разница реакции властей на эти два события наглядно показывает особенности расстановки приоритетов при формировании новой городской среды, основанной на попытке достичь межкультурного компромисса. В первой ситуации, с хулиганскими действиями двух групп, принадлежащих к мусульманской части французского общества, к регулированию были привлечены и местные власти, и представители обеих диаспор, и руководители исламской церкви. Данное столкновение, хоть и было основано на конфликте двух этнических групп, не затронуло экзистенциальную составляющую сообщества, его правовую и ценностную систему. Главным оказался вопрос правового регулирования. Вторая же ситуация вызвала бурную реакцию и начало межкультурных столкновений именно по причине того, большинство граждан увидели в убийстве учителя не только самосуд, что само по себе противоречит законам правового общества, но и покушение на общекультурные ценности. «Иная культура продемонстрировала насильственный акт, который был воспринят сообществом как угроза, как агрессия не только в адрес конкретного представителя, но и всего французского комьюнити.

Эта ситуация наглядно показала, что формирование городской совместности не может строиться на насилии. Межкультурный диалог требует огромных усилий со стороны всех участников конфликта, предполагает терпение и неспешность в поисках компромисса. Надо создавать почву для постоянного, непрерывного диалога мнений.

Мигранты в поисках способов улучшения социального положения существенно трансформируют городское пространство, внося в него элементы своих культур и создавая зачастую замкнутые социальные сообщества. Сейчас данный процесс протекает гораздо динамичнее, чем в начале XX в. Город разрушает старые связи и позволяет создавать новые, что способствует формированию общей городской идентичности. Но на фоне ускоренных миграционных процессов такой выбор может восприниматься как угроза потери «самости», своих корней и добровольный отказ от культурных ценностей и установок своего прежнего сообщества. По наблюдениям исследователей, современные мегаполисы, в сравнении с небольшими городами, более терпимо относятся к стремлению представителей новых социальных групп поддерживать свою идентичность. Жители таких городов «привыкли» к этническим кварталам, соседству различных религиозных учреждений, пестроте внешних элементов национальных культур. Поддержание «инаковости» – своего рода защитный механизм, позволяющий индивидам справиться со стрессовой ситуацией обезличенности и одиночества в городе. Это способ удовлетворения двух потребностей современного городского человека: потребности в самоидентичности и потребности в коллективной идентичности. Фрагментарность культуры крупного города, его лоскутность – закономерный результат трансформации современного общества. Изменение облика городов видится неизбежным не только под влиянием внешних миграционных факторов, но и правильно выстроенного межкультурного диалога, выраженного действиями людей, выступающих одновременно и носителями, и конструкторами своего городского пространства.

Список литературы

1. Анисимов Н.О. Идентичность и город // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 3 (23). С. 170–179.
2. Бондарева С.К., Колесов Д.В. Миграция: сущность и явление. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2004. 296 с.
3. Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М.: ЛитРес, 2019. 510 с.
4. Вебер М. Город. М.: Strelka press, 2018. 252 с.
5. Верпатова О.Ю., Ковалева Е.О. Проблемы аккультурации молодых мигрантов // Саморазвивающаяся среда технического вуза: Материалы Всерос. научно-практ. конф.: в 3 ч. Тверь: Изд-во ТвГТУ, 2017. Ч. 3. С. 45–51.
6. Вирт Л. Гетто // Чикагская социология: сб. переводов. М.: РАН; ИНИОН, 2015. 430 с.

7. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Историческая память и история в культуре глобального сообщества // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 13–20.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
9. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Психологическая безопасность профессионального пространства личности оптанта // Социальный мир человека: материалы VI Межд. науч.-практ. конф. «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация в интеркультурном мире». Сер. «Язык социального» / под ред. Н.И. Леонова. М., 2016. С. 157–160.
10. Михайлова Е.Е. Философия в образовательном пространстве информационного общества // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Философия». 2014. № 1. С. 83–87.
11. Тённис Ф. Общество и общность // Социологический журн. 1998. № 3/4. С. 333–357.
12. Triandis H.C. Cultural Syndromes and Subjective Well-Being // Culture and Subjective Well-Being / Diener, E. and Suh, E.M., Eds. Cambridge: The MIT Press, 2000. P. 13–36.

CONTEMPORARY CITY AS AN AREA FOR INTERCULTURAL DIALOGUE

O.U. Verpatova

Tver State Technical University, Tver

The article is aimed at revealing that the contemporary socio-cultural space of the city is undergoing fundamental changes associated with migration processes. It is emphasized that the contemporary city as a space of intercultural dialogue plays a dual role: it helps the individual to master new forms of life that are characteristic of urban identity, and, on the contrary, strengthens/suppresses his individuality. It is concluded that intercultural dialogue is important for the balanced existence of the city as a whole, as well as for all communities and each subject in particular. Intercultural dialogue in the city space is carried out in a contradictory range: from hostility and alienation - through adaptation and compromise – to awareness of the significance of the «other».

Keywords: *socio-cultural space, city, community, individual, migration, intercultural dialogue, identity.*

Об авторе:

ВЕРПАТОВА Оксана Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Author information:

VERPATOVA Oksana Urievna – PhD (Philosophy Sciences), Assoc. Prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru